

Я морально обтекал от всего происходящего. Казалось бы, ещё всего полдня назад сидел себе спокойно, придумывал планы «Великого Побега», раздумывая о том, как бы не откинуть копыта в процессе, а ещё лучше – остаться в плюсе... ну или хотя бы не в жёстком минусе! А вот потом... Потом всё завертелось слишком быстро.

Сейчас же, прямо в этот самый момент, всё внутри меня содрогалось от осознания простой истины – сегодня мне чертовски повезло. Нет, «чертовски» – это не то слово. Оно попросту не способно в полной мере охарактеризовать тот уровень удачи, что сегодня мне привалила. Думаю, даже люди, срывавшие джекпот в миллиард баксов два раза подряд на моём фоне будут смотреться жалкими неудачниками. И, нет, я не страдал излишним ЧСВ – лишь просто офигевал. А всё почему? Потому что, пусть и слабо, смотря фильм ещё в детские годы, но мне удалось вспомнить, этот конкретный момент, виденный в далёком детстве. Тот самый, где некоего «Дневного бродягу», дампира, убийцу вампиров и просто клыкастого чёрного парня со звучным именем Блэйд, всякие «злодейские злодеюсы» обманом заманят в своё логово, где, как и полагается, по законам жанра, думая, что уже никто и ничто им не способно помешать, начнут неприкрыто ехидничать, говоря всякие клишированные фразы и упиваясь триумфом. Вот только по всё тем же законам жанра, герой окажется не так прост и, как и полагается, кхм, главному герою, спустя короткое время жестоко надругается над своими пленителями, походя руша все их планы. Ставя их на метафорические колени и, уже отнюдь не метафорически, начнёт забивать разводным ключом насмерть. «Воины света», что с них ещё взять...

Кхм, ладно, может всё это сейчас и звучит излишне наигранно, я бы даже сказал по-детски, и больше похожим на полную выдумку, но именно так и было в фильме (исключая забивание разводным ключом). Да, у нас тут вроде как реальность и всё такое, но тот факт, что Блэйд, он вот он – лежит на соседнем «столике», а знакомый мне по записям Виктора прихвостень сейчас с паскудной улыбочкой на морде лица тыкает кнопки на пульте управления. Всё это заставляет мой мозг, эм... Как там говорил Франкенштейн, «культура речи», да? Тогда – офигевать, вот. Всё происходящее сейчас заставляло меня офигевать. А моё, собственно, «офигевание» и порождало подобные мысли, подстёгиваемые тем фактом, что поломайся Витька ещё всего денёк тогда все мои планы, если и не будущая жизнь, пошли бы по одному месту. Тому самому, которое женским репродуктивным органом называют...

Всего день... Нет, даже жалкая половина...

Из собственных мыслей меня вырвало сдавленное болезненное шипение. К слову, в этот момент я мог воочию наблюдать принцип действия адового устройства. Не то, чтобы я его не видел всего несколько минут назад, но одно дело, когда демонстрация проходит, так сказать в холостую, а другая – уже, кхм, в рабочем режиме. Что я могу сказать... Ужасно. Действительно ужасно. Помню смотрел сериал про одного серийного убийцу, где в одном из сезонов столкнулись в противостоянии он и его брат – такой же маньяк. Различия между ними были в том, что один приходил в экстаз от вида крови, а другой эту кровь не любил... ну или что-то вроде – не помню уже точно. Главное тут в другом – второй обескровливал своих жертв. Он подходил к этому с простотой и эффективностью – попросту подвязывал жертву за ноги, переворачивал вверх тормашками и вскрывал глотку – дальше уже дело было за гравитацией и всё ещё бьющимся сердцем жертвы. Максимально эффективное избавление от крови. А тут? Эти ребятки работали эффектно, но не эффективно.

Нет, в случае Виктора я понимал, почему использовали эту шайтан-машину – регенерация и нужда в плотной фиксации, но Блэйд? Он не бессмертен. Как и, думаю, не обладает бешеной регенерацией Виктора, сравнимой разве что с Росوماхой. Так зачем? Нафига?! Вот чтобы что? Чтобы в последний момент его кто-то успел спасти? Что бы поиздеваться? Чтобы... В общем я откровенно не понимал логики местных эскулапов.

Из собственных мыслей меня выдернул странный звук. Шум, на который я раньше не обращал внимания. Стук сердца. Вернее сердец. Своё я уже слышал – оно било медленно, устало, тяжело, но ритмично. Глухо и, не знаю, мощно, создавая в голове ассоциацию с побеждённым, но не сломленным хищником. За стуком своего сердца я различал другие. Первым, как самым близким ко мне, оказался стук ещё одного сердца. Сердца Блэйда. Оно билось, подобно загнанному зверю. Раненному, потрёпанному и загнанному стаей хищников, что с предвкушением скорого пира кружили вокруг своей добычи, уставшей, но всё ещё сопротивляющейся. Добычи, не понимающей, что бег – не выход, ведь рано или поздно оно не сможет продолжать и чем быстрее оно бежит, тем быстрее приближает свой конец.

Третье сердце, напротив, звучал радостно, предвкушающее, но... слабо. Будто прибившаяся мелкая шавка, залиvisto лающая и мнящая себя частью той самой стаи, что сейчас «загоняла» свою жертву. Она таякала, стараясь тем самым показать свою «крутизну», причастность к погоне, но могло лишь смотреть и лаять, более ничего из себя не представляя. Этой «шавкой» и было, заходящееся в радостном и взволнованном галопе, сердце того самого вампирского прихвостня, что с трудом давил лезущую на лицо горделивую улыбку.

— Не хотите поговорить с нашим гостем? — пока я пытался переварить этот странный выверт собственного сознания, вызванный, наверное, той гадостью, что в меня сейчас вливали, означенный прихвостень обратился ко мне. Пришлось постараться не выдать лицом ту гамму противоречивых чувств, начавших бурлить во мне. Впрочем, было не сильно сложно, учитывая, кхм, кондиции и общую слабость, которая всё так же довлела надо мной... Хотя, издёвку в голосе «истинного арийца» заметил бы и слепоглухонемой. Знать бы ещё его имя, а то всё «выкормыш», да «прихвостень», а ведь Виктору он скорее всего представлялся в своё время. Почему я так решил? Всё просто – с одного взгляда было понятно, что это... кхм, этот горделивый индивид не упустит возможности хоть так возвысится в собственных глазах. Будто это лично он поймал, сначала Виктора, а потом и Блэйда – уж больно много горделивой усмешки слышится в его словах. Вот только мне, так сказать, долговременная память Франкенштейна всё ещё было не доступна, да и вспомнив, пусть и урывками, фильм, могу предположить, что это первый и последний раз, когда я вижу этого блондинчика.

— Зачем? — голосом я постарался передать всю индифферентность полного пофигиста, мол, ну да, дневной бродяга... и чё? Не то чтобы я не горел желанием перекинуться парой слов с легендарной личностью из фильмов детства, но, чем больше я тут буду болтать, тем больше вероятность, что меня раскроют. Паранойя не дремлет!

Правда сам я не мог придумать чёткого способа, по которому они смогут определить подмену... Да и, сомневаюсь, что начни я тут вести светскую беседу и на меня тут же кинуться с вилами, крича нечто вроде: «Кто такой и куда дел Франкенштейна, ирод окаянный?!», но паранойя... Не зря же говорят: «побольше молчи – возможно за умного сойдёшь», а учитывая, насколько умным был Франкенштейн, то мне теперь, походу, вообще никогда открывать рот нельзя будет, даже, хех, для того чтобы есть.

Впрочем, отбрасывая нервные шутеечки, которых с момента моего «попадения» стало чересчур много проскакивать, а причина трепаться поменьше всё же действительно была. Дело в том, что я, как уже сказал, вспомнил «этот самый момент», но вспомнил хреновенько – из разряда: «вот это помню, а дальше хрен его знает, но Блэйд спасся, потом вроде какая-то баба была, мужик с неправильным ртом и вампирский упырь каноничного, носфератовского вида. А потом Блэйд всех победил. Хэппи энд, ёпта!» Кхм... Поменьше матов, Витя, помни про Копьё! Так о чём я? Ах, да, я старался молчать и не отсвечивать, а то шут его знает – скажу, чего не то, сломается «канон» и хрен мне, а не свобода. Как сломается? Да, как угодно, начиная с того, что «сесуриту», вышедшие за двери, повинувшись пафосному взмаху руки вампирского прихвостня, вернутся, да ещё и с усилением. Заканчивая тем, что на нас тут метеорит рухнет. Ладно, насчёт последнего я, конечно, перегнул, но, если, опять же, без шуток, то лучшим решением и правда будет поменьше отсвечивать, от греха подальше.

Тем временем прихвостень лишь больше распалялся:

— Ну как же, — взмахнул он руками в очередном, как ему казалось, пафосном жесте, — Две поистине легендарные личности собрались в одном месте! Было бы кощунством хотя бы не поприветствовать друг друга... — смотрю, ему успех хозяев совсем по голове бить начал... разводным ключом. Вот только на мои мысли ему, по всей видимости, было плевать, ведь выкормыш и не думал останавливать этот театр одного актёра. — Вы не знакомы? Ох, где же мои манеры, ведь это работа для преданного слуги хозяина вечера – в его отсутствии представлять гостей друг другу! Виктор, позвольте представить вам мистера Брукса, более известного как Блэйд, Дневной бродяга, а также единственного в своём роде дампира, — указал он рукой на чернокожего дампира смотря при этом на меня. Сам же «мистер Брукс», находящийся в полуобморочном состоянии, устало уронил голову в мою сторону, а на его лице так и застыла вымученное выражение, говорящее, что ему сейчас не просто плохо, а настолько хреново, что он раздумывает над тем, чтобы начать завидовать мёртвым...

— Ну а это... — обратился он уже к Блэйду... Только закончить не успел, поскольку именно в этот момент по помещению раздался резкий и бьющий по ушам звук тревоги, сопровождающийся начавшим мигать красным, светом. На стене рядом с дверью отъехала в сторону фальшпанель, за которой находились десяток небольших экранов, предающие картинку с камер видеонаблюдения.

Из моего положения было сложно разглядеть в мельчайших подробностях, что передают камеры, но вот то, что творится там какая-то хрень я понять мог. Эта «хрень» выглядела как человек, отличительной чертой которого была гладковыбритая лысая голова, а также то, что он... сейчас рвал на части активно отстреливающуюся охрану. И когда я говорю «рвал», он именно это и делал – головы летали только в путь.

Я говорил уже что всё происходит как-то слишком быстро? Говорил. Возможно, во мне говорит некий диссонанс, возникший после долгого сидения и, по сути, ничего не делания (кроме попыток выбесить Виктора) взаперти, но всё происходящее действительно казалось мне сумбурным. Настолько, что я мог лишь запоздало вздрогнуть, когда в вампирского прихвостня начали разряжать обойму чего-то скорострельного (никогда особо не разбирался в оружии). Ах, да, стреляли снизу, прямо из-под пола. Лицо прихвостня, ещё не успевшего до конца осознать, что он умер, так и застыло навечно с гримасой непонимания, и настоящей детской обиды, застыв посмертной маской.

Снизу послышался металлический звук соприкосновения двух тяжелых пластин, после чего сначала показалась седая с едва заметными прожилками чёрного, шевелюра, а потом и сам старик, которого я встречал ошалевшим взглядом.

Вот только, либо тот оказался слегка подслеповатым, либо ещё что, но стоило ему вылезти (причем делал он это спиной ко мне), как тут же быстро поковылял, одной рукой держась за бедро, к ложементу с Блэйдом более ни на что не обращая внимания, а я... Я же был в своеобразном ступоре от всего произошедшего за меньше, чем минуту, так что не спешил сообщать о своём тут, кхм, присутствии, а то вдруг ещё сдуру пальнёт из своей монструозной пукалки.

— Малыш... — в голосе старика, смотрящего на искалеченного Блэйда, слышалась неприкрытая отеческая любовь и боль от вида еле живого «сына». Кинув взгляд на панель с кнопками у подножья стола дампира, он медленно нажал несколько, отчего штыри с характерным звуком проделали обратный алгоритм действий, возвращаясь в стол. Сам же напарник охотника на вампиров, имя которого я так и не смог вспомнить, начал осматривать раны хрипящего «мистера Брукса». — Давай, малыш, вставай... Вставай... — аккуратно запустив ладонь под шею, поднял он его голову рукой. — Ты не бросил меня, и я не брошу тебя...

Кажется, Блэйду не совсем пошла на пользу откачка крови, а у меня закрались сомнения, что я очень слабо представляю настоящую силу (и живучесть) Виктора Франкенштейна. Да, я знал, что тот бессмертен и регенерирует почти как Рассомаха, но одно дело знать, а другое понимать. Пусть даже Блэйд был истощён и всё вот это вот, но он и десяти минут не пролежал на чёртовом пыточном столе, а Виктор, мало того, что целый год проходил ту же «процедуру», так ещё и при этом его постоянно травили какой-то убойно отравой, призванной того сдержать... В моём понимании это именно я должен тут валяться в состоянии дампира, да только нифига. Да, я чувствовал, охренеть какую, слабость, и не мог шевелиться (хотя тут больше заслуга штырей), но был в сознании и мог относительно ясно мыслить, но видя пример рядом... В общем, по всем самым оптимистичным прикидкам должен был лежать тут и пускать слюни в состоянии перманентной комы. Это я ещё не упоминаю того, что Виктора тут не кормили от слова совсем. Можно, конечно, подумать, что питание ему вводили через капельницу, но что-то меня гложут сильные сомнения в этом.

— Думаю, ему нужна кровь, — решил я стать гласом истины (очевидности), осторожно подав голос, всё ещё опасаясь, как бы дед тут не словил «пердечный сриступ» и не нашпиговал меня свинцом. Что я получил в ответ? Правильно – резко дёрнувшегося мужика, всполошённого и наставившего на меня свой монструозный плод запретной любви ножа и автоматического пистолета. Правда при этом он так и продолжал аккуратно и бережно удерживать на раскрытой ладони затылок Блэйда. Лицо же старика сейчас застыло маской изумления и какого-то даже сомнения, словно так и спрашивая, мол, «это что за хрен такой» и «какого хрена я его раньше не заметил?!». Правда окинув меня взглядом и видя, что я тут вроде как в таком же положении валяюсь, что и его «сынок», градус опаски снизил, но не до конца. Моя паранойя, стоя на палубе крейсера класса «Звёздный Разрушитель» пустила скупую мужскую слезу (или всё же женскую, а то из-за полного костюма химзащиты, поверх которого был надет бронежилет и длинный чёрный плащ, разобрать было сложно).

— Кровь... — раздался тихий и хрипящий голос дампира, про которого все на пару секунд

подзабыли, — Мне... Нужна... Кровь...

— Да-да, сейчас, малыш, сейчас, — старик бросил на меня задумчивый взгляд, помедлил пару мгновений, а потом спросил, — Кто ты?

Параноя неустанно бдила и рассказывать всем и каждому кто я такой мне виделось полной глупостью, так что, образно говоря, ограничился фразой о «безымянном пленнике», получив в ответ ещё один долгий и задумчивый взгляд, после которого меня всё же освободили. Ну как, освободили, видать дедок всё же обиделся, что я лежу тут такой весь секретный и таинственный, так что, ограничился он нажатием комбинации кнопок на панели моего стола, после чего более не задерживаясь, поднырнул под руку Блэйда и, кряхтя и пыжась потащил слабо перебирающего дампира к выходу.

В принципе, логику старика можно было понять, он пришёл за Блэйдом, который в его понимании куда важнее, чем какой-то неизвестный голый мужик. Да и состояние своего «сына» он видел и, добровольно взваливать на свою старческую задницу ещё одного полукоматозника он чисто физически не мог, а учитывая тот факт, что вокруг творится хрень (в виде лысого, разрывающего всех, мужика), то и вообще смерти подобно. Так что в его глазах я был уже всё равно что мертвец, но даже так он решил «дать шанс», рассудив, по-видимому, выживет – отлично, нет – на нет и суда нет, а он сделал всё что мог и совесть его чиста.

Правда несмотря на это, неприятный осадочек внутри всё равно остался, но я решил, что наглеть не стоит, а то у меня тут и так сегодня аукцион невиданной щедрости от мироздания, того и гляди заряд удачи неожиданно закончиться и всё – поскользнусь на ровном месте, упаду и сломаю все кости в теле одновременно. Да уж, так и напишут потом в заключении патологоанатома: «Ушиб всего Виктора».

Меж тем, первое, что я сделал, после того как замороженно осмотрел медленно, но заметно даже невооруженным глазом, затягивающиеся сквозные дыры на поднятой руке, так это, с мстительным торжеством, вырвал из тела трубку с той самой отравой, а уж потом, кряхтя, шипя и давя маты, под аккомпанемент воющей тревоги и едва различимого треска мышц, привстал, опираясь об стол локтями. На этом «подвиги» закончились, поскольку я чётко понял, что, если попробую встать ещё чуть дальше, то тупо свалюсь с кушетки на пол, поскольку с непривычки начала кружиться голова.

Правда была и радостная часть – ноющая и монотонная боль, с явной неохотой, но начала отступать. Как я уже говорил, первое, что бросалось в глаза, это полностью отсутствующая одежда (даже трусы забрали, ироды клыкастые!), а также комплекция тела уровня «в концлагерях пленники здоровее». Казалось, мышцы в теле Викт... моём теле отсутствовали как класс, а кожа напрямую обтягивала кости. Теперь становились понятны странные взгляды старика, а также почему поначалу он на меня не обращал внимания – за обескровленный и иссушенный труп принял, походу. Да и его решение меня не трогать, я тоже, кажись, понял – боялся, что я банально не переживу эвакуацию. Ну хоть не добил и на том спасибо. Честно говоря, мне даже страшно было смотреть на своё отражение – мной, наверное, теперь драугров Скайрима пугать можно, тех самых, которые, пока ты спишь качаются, хах... Опять начал бред нести.

Чувствуя, что головокружение, пусть и не прекратилось, но уменьшилось, мной было принято решение всё же выбираться от этих вивисекторов доморощенных. Правда для начала, стоило бы найти одежду... Тут взгляд сам собой опустился на лежащего в луже крови вампирского выкормыша, отчего я даже завис на пару мгновений, взвешивая все «за» и «против».

— Ну нафиг, брезгую... — уж лучше голым, чем в дырявой и окровавленной одежде с трупа, — А вот это... — взгляд прикипел к ещё не распечатанному пакету с отравой, что блондинчик принёс для меня, оставив на одном из столов у стены. — Это я, пожалуй, возьму - в хозяйстве пригодится, — да и всё же не мешало бы пошарить по карманам у «истинного арийца», может чего путного найду, раз шмотками брезгую.

<http://tl.rulate.ru/book/99886/3553165>